УДК 165:159.955

ПИВОЕВ В.М.

Эволюция стилей мышления

В статье рассматриваются основные этапы эволюции стиля мышления в философии и науке Европы с эпохи Античности до наших дней, сформулированы характерные черты четырех стилей: мифологического, теологического, рационально-логического и плюралистического.

Ключевые слова: стиль мышления, мифологический, теологический, рационально-логический, плюралистический стили, детерминизм, монизм, плюрализм.

Проблемы стиля мышления с легкой руки М. Борна, после опубликования перевода его книги «Физика в жизни моего поколения»[1], стали активно обсуждаться в российской науке. Наиболее важный вклад в этот процесс внесли работы В.Н. Поруса[2], В.С. Библера[3], Ю.В. Сачкова[4] и др. Затем стали появляться работы о стилях научного мышления в математике, в физике, в химии, в биологии. Существенный толчок осмыслению закономерностей научной мысли дала книга Т. Куна «Структура научных революций», перевод которой был опубликован в 1975 г. В 2002 году в Саратове была защищена диссертация О.В. Гуторович на тему «Стиль мышления в научном познании». В недавно опубликованной статье Б.И. Пружинина анализируется опыт работы отечественной философии науки второй половины XX в. с понятием «стиль научного мышления». Автор приходит к выводу о том, что «стиль научного мышления» является более продуктивным для современных философско-методологических исследований, чем «парадигма»[5].

Мыслить – значит «идентифицировать, определять, устанавливать тождество»[6] и различие, сопоставлять и делать выводы. Мы осмысливаем то, что делим и измеряем, и такой подход успешно работает в рамках естественных наук. А как осмысливать неделимое и неизмеримое?

Психологи XIX века полагали, что на форму и стиль мышления влияют индивидуальные особенности человека. Затем позитивисты обратили внимание на географический детерминизм. Так, французский эстетик Ипполит Тэн, размышляя о культуре Нидерландов, указывал, что «существенный характер» этой страны, а также «общий склад ума, нравственные и физические качества жителей и их произведения» определяются тем, что она образована из «наносов», из почвы, принесенной реками с гор и равнин Европы. Из этого с необходимостью вытекает дождливый, влажный климат, где «вода производит траву, трава – скот, скот – сыр, масло и говядину, а последние, вместе с пивом, производят жителя»[7]. Отсюда и была, вероятно, выведена известная марксистская формула «бытие определяет сознание»

В дополнение к этому грузинский философ К.Р. Мегрелидзе заявил, что индивидуальные особенности и природные условия не так существенны, гораздо важнее социальный опыт взаимоотношений и практической деятельности, который вырабатывает соответствующий стиль мышления[8]. Польский ученый Л. Флек обращал также внимание на то, что «содержание научных воззрений обусловлено средой, в которой они развиваются»[9]. К этому следует прибавить систему ценностей, которыми руководствуется человек и та группа, к которой он принадлежит. Эта система ценностей складывается под влиянием социальных потребностей и оформляется в обычаи, традиции, мифологию, религию, идеологию, право. Продолжая мысли Мегрелидзе, можно указать вслед за Г.Д. Гачевым на особенности национального стиля мышления, которые можно об-

наружить у разных народов[10]. Так, например, герой романа современного писателя А. Потемкина заявляет: «Буйство воспаленного сознания – главный двигатель развития человечества, и у русских эта особенность выражена наиболее ярко.<...> Столько гениев, сколько дала мировой культуре Россия, пожалуй, не насчитывает ни одна нация»[11].

Стиль характеризует, с какой точки зрения рассматривается любой вопрос (односторонне или многосторонне), показывает степень доверчивости или критичности, использование логики, традиционность или инновационность, степень сложности видения мира, использование метафор (притч) или непосредственное представление сущности вещей, субъективность или объективность, спекулятивность или интуитивность, наглядность или абстрактность, догматичность аксиом и т. д. Таким образом, при осмыслении стиля мышления следует учитывать, во-первых, логику и аксиологию; во-вторых, критичность и доверчивость; в-третьих, аксиоматичность и практику; в-четвертых, реализм и идеализм; в-пятых, линейную или нелинейную (синхронную, многомерную) причинность; в-шестых, рациональность и иррациональность; в-седьмых, доминанту зрительного и слухового восприятия.

В истории человеческой культуры и философии можно заметить изменения в стиле мышления и выделить определенные этапы и формы (парадигмы) мышления. Причем некоторые элементы предыдущего стиля сохраняются в новую эпоху, тогда как иные отвергаются.

Первая форма мышления сложилась в первобытно-мифологическую эпоху[12]. Мифологическому стилю мышления присущи следующие характеристики:

– *автохронность* (мифологическое сознание возникает само собой, из непосредственных условий и практического опыта жизни);

– *пантождественность* (все равно всему, «мир есть “я”»);

– *нерефлектированность* (человек не имеет опыта и потребности оценивать и осмысливать себя, он себя еще «не замечает»);

– *доверчивость* (и вместе с тем недопустимость сомнений и критики);

– *коммуникативность* (индивидуального мифа не бывает, миф создается группой, поддерживающей слепое доверие к абсолютным ценностям);

– *позитивная аксиологичность* (в основе мифологического сознания лежит система положительных ценностей, направленная на обнадеживание);

– *символичность* (все предметы являются символами, выражающими высшие ценности бытия);

– *иррациональность* (в силу неразвитости рационально-аналитических функций левого полушария головного мозга доминирующим является правое полушарие, используются нечеткие, расплывчатые формы осмысления мира);

– *многомерность, синхронность, укорененность в вечности* (время игнорируется, в крайнем случае, оно рассматривается как круговорот, реализующий «вечное возвращение»).

В античной культуре в результате кризиса мифологического сознания на основе этой первой формы мышления начали складываться две другие формы: рационально-логическая (которую обосновала так называемая «банда трех», как обозвал Сократа, Платона и Аристотеля современный исследователь мышления Эдвард де Боно[13]) и теологическая (сформировавшаяся в более полном виде в христианской философии).

Основы христианской философии были выработаны на первых семи Вселенских соборах в результате значительных усилий по преодолению еретических учений и имели следствием черты, обусловленные этими спорами, а также страхом перед критическим сомнением и рефлексией. Нужно было отстаивать догматы христианской философии от нападок и «справа», и «слева». Так, в христологических (о сущности Христа) спорах выдвигались различные точки зрения: несториане настаивали на двойственности природы Христа, монофизиты говорили о единой человеческой природе, монофелиты – о двух естествах, но единой энергии. Нужно было определиться, какие аксиомы принять за основу, поэтому пришли к необходимости принять в качестве важнейших авторитетных источников Священное Писание и сочинения отцов церкви. Из этого вытекали следующие особенности теологического стиля мышления:

– *аксиоматичность* (в основание любых абстрактно-теоретических построений полагалась некая аксиома/аксиомы, чья достоверность принималась без каких либо доказательств на веру, поскольку она была предложена убежденным в своей правоте авторитетом, сформулировавшим ее на основе интуитивных прозрений; этим обусловлено активное применение метода дедукции, формулирование конкретного вывода из исходной общей идеи);

– *традиционность* (или древность; чем древнее идея или предмет, тем больше оснований ценить их как правильные, восходящие к Богу-творцу, создавшему мир в начале времен);

– *формальная логичность* (строгое следование запрету на логическое противоречие и другим правилам логического рассуждения, формулирующего закономерные выводы из исходных посылок);

– *догматичность* (следование незыблемым правилам, шаблонам, образцам, алгоритмам, идеям);

– *недопустимость сомнения* (сохранившееся от мифологического стиля запрещение на критическое сомнение действовало и в рамках теологического стиля; критиковать разрешалось лишь мнение оппонента, но не тексты Священного Писания и отцов церкви);

– *элиминация субъективного* (любое собственное мнение или измышление рассматривалось как покушение на совершенный образец, полученный от Бога);

– *нормативность* (подчинение и подражание стандартной норме; творчество считалось делом недопустимым, поскольку есть лишь один Творец, состязаться с которым для человека кощунственно).

По словам В.Л. Рабиновича, средневековый ученый «учит и учится (попеременно) и, понятное дело, ничего нового – в смысле нового знания – не открывает, потому что все открыто и дано раз и навсегда, с самого начала, с первым творческим словом, сказанным Богом. Надо лишь выучиться слушать это слово, представляющее смысл мира, мир смыслов»[14].

Надо отметить, что такое мышление характерно не только для христианства. Например, в Китае всегда ценилась древность (*гу*), считалось: чем древнее керамическая ваза или чаша, тем она ценнее. Конфуций всегда подчеркивал, что он не создает новых учений, но воссоздает, восстанавливает традицию древности.

Правда, следует оговориться, что в рамках христианской философии существовало мистическое течение, которое не вписывается в нашу схему, поскольку вырабатывало иррационально-метафорический стиль мышления (Дионисий Ареопагит, Рамон Льюль (Луллий), Мейстер Экхарт, Франциск Ассизский, Якоб Бёме и др.). Однако такой стиль считался допустимым лишь для избранных, и Ватикан смотрел на эти сочинения с большим сомнением, подозревая вероятность еретических отклонений.

Хотя рационально-логическая форма мышления начала складываться раньше, чем теологическая, ее распространение затормозилось из-за недостаточного уровня общей культуры и образования общества. Такую основу создавала постепенно система средневекового схоластического образования и особенно введение Северином Боэцием в учебный план первой ступени школы основ логики, которая наложила свой отпечаток на стандартные приемы и способы мышления. И даже крупнейший богослов западного средневековья Фома Аквинский свою «Сумму теологии» выстроил на строго логической основе. Немалый вклад в распространение такого стиля мышления внесли сочинения Б. Спинозы, который вооружился математическими трудами Евклида и его строго рациональным способом изложения научных идей.

Возможности рационально-логического способа мышления разрабатывали еще софисты. Так, Горгий из Леонтин вполне логично доказывал, что ничто не существует, но если что-либо и существует, то познать это мы не в состоянии. Но если даже и мы сможем это познать, то нам не удастся свое знание кому-то сообщить[15]. Логически его доказательства являются как будто верными, но опираются на не совсем точные допущения, на предположение, что понятия, которыми оперирует мышление человека, являются дискретными и абсолютно четкими. На самом деле они таковыми не являются, наше мышление часто пользуется нечеткими, расплывчатыми и интуитивно осмысленными категориями. Софисты вырабатывали релятивистски-

диалектический стиль мышления, опиравшийся на формальную логику. Этим стилем в совершенстве овладел Сократ, учившийся в молодости у софистов. Платон вслед за Сократом стремился искать общее в различном и для абстрактного выражения такой модели предложил понятие «эйдоса». Аристотель сделал акцент на изучении причин и выстраивании из них логических следствий. Будучи одним из сторонников античного эссенциализма, он полагал, что определение сущности любого предмета следует строить, исходя из отнесения его к какому-либо роду с последующим указанием на видовые отличия. Изучая мир животных, он попытался перечислить все эти родовые классы.

Надо отметить, что критика формально-логического метода мышления началась еще в античной философии. Знаменитые апории Зенона Элейского поставили вопрос: как возможно анализировать процесс и движение? Формальная логика на это не способна, она может исследовать только статичные феномены. Страх перед иррациональностью отразила знаменитая «бритва Оккама», которая утверждала необходимость экономии мышления: «не следует умножать сущности сверх необходимого» (но автор не указал на параметры «необходимого», полагая это само собой разумеющимся).

В классической немецкой философии был предложен диалектический метод, который обещал, как полагали его сторонники, решить все проблемы и преодолеть имеющиеся трудности. В абстракции у Гегеля все получалось красиво, но на деле обещания дать ключ к решению всех практических проблем развития остались нереализованными.

Р. Декарт внес важный вклад в разработку оснований рационально-логического стиля мышления. Его «Правила для руководства ума» и «Рассуждения о методе» содержат основания для рационального мышления, которые, если к ним внимательно присмотреться, являются вполне иррациональными[16]. В то же время важное значение для развития стиля мышления имело выделение Р. Декартом проблемы *субъекта* в познавательной деятельности. Это шло вразрез с рациональным методом и подготавливало в будущем появление многомерных подходов к осмыслению мира.

Главным в Европейской философии нового времени считался индуктивный метод, позднее к нему добавился гипотетико-дедуктивный. Философия стала служанкой науки, для нее в это время характерны:

– монизм в понимании истины;

– оценка опытного знания как недостоверного;

– отождествление научного и логического;

– представление о разуме как источнике и критерии истины;

– представление об однозначной детерминации причинно-следственных отношений;

– оптимизм и вера во всемогущество рационализированного разума.

Идеал научности включал в себя принципы *онтологические*:

– универсальность и неизменность порядка в природе;

– инертность материи и активность сознания, источника рациональной деятельности;

– сознание (Я) имманентно индивиду;

и *методологические:*

– общее как предмет науки;

– общезначимость законов естествознания;

– математизация знания как идеал;

– приоритет количественных и экспериментальных методов, редукционизм (объяснение общего исходя из анализа его частей)[17].

Методология рационализма подталкивает современного ученого к монизму. Начиная с работ К. Маркса, Ф. Энгельса, со статьи Г.В. Плеханова о монистическом взгляде на историю, монизм стал осознаваться как важный принцип марксистской философии[18]. В основу марксистского монизма полагалась аксиома о материальности мира, которую предлагалось принять на веру. В этом же духе написана работа болгарского ученого А. Кожарова, который объявлял плюрализм ненаучным[19]. Испанский писатель и философ Мигель де Унамуно писал: «...Разум по самой природе свой монистичен. Ведь дело разума – познание и объяснение мира, а для того, чтобы познавать и объяснять его, разум не нуждается в душе как неуничтожимой субстанции. Для познания и объяснения душевной жизни, для психологии, нет необходимости в гипотезе о существовании души»[20]. Типичным примером монизма является позиция

профессора В.А. Тишкова, который призывает заменить термин «нация» на «этнос». Но почему нужно заменять одно другим? Почему нельзя оставить в употреблении оба термина для обозначения разных измерений социальной идентичности: этнос – как социально-культурная характеристика народа, а нация – политическая?!

Монизм есть стремление привести все к общему знаменателю, тотальному единству и однородности. На самом деле полное единство и равенство в обществе невозможны и недопустимы. Возможно единство в одних отношение и разногласие – в других. Единство может быть временным согласием ради достижения каких-либо целей. Возможно единство по поводу каких-то объективных истин, разделяемых большинством или всеми (что называется консенсусом). В то же время абсолютный плюрализм чреват хаосом и анархией. Как справедливо полагает Л.Н. Столович, необходим «системный плюрализм» как методологический принцип, допускающий и предполагающий различие точек зрения на одну проблему. Какая из них будет выбрана в настоящий момент наиболее справедливой, решается в результате конкуренции различных мнений. В замечательной книге Л.Н. Столовича «Плюрализм в философии и философия плюрализма»[21] хорошо показано господство монизма в марксистско-ленинской философии и обоснована необходимость его преодоления с помощью «системного плюрализма». Плюрализм может быть гносеологическим (способность изучать объект с разных точек зрения), логическим (диалектическим), аксиологическим (толерантным) и психологическим (способность понять иную точку зрения). Ученому, работающего в одиночку, легко впасть в догматизм на основе преувеличения ценности своих результатов. В коллективе же всегда найдется человек, который взглянет на изучаемую проблему с другой точки зрения.

В настоящее время рационально-логический метод является ведущим в науке, особенно в естествознании. Для этого есть немало оснований. Доминирование левого полушария головного мозга, которое имеет особенности, которые как раз и получают адекватное воплощение в такой методологии и стиле мышления. В левом полушарии находятся центры, контролирующие количественные, математические, дискурсивные, логические, речевые, аналитические способности и функции. Такое мышление в немалой степени опирается на линейную причинность, для которой характерны последовательность во времени, соподчиненность в одном пространстве, дискретность, энергетическое и информационное взаимодействие, сопутствующие условия и катализаторы. Если подвергнуть критическому осмыслению привычный стиль и характер мышления современного специалиста, получившего высшее образование в российском вузе, то можно обнаружить следующие черты: дискретность, односторонность, шаблонность, линейная причинность, механистичность, рациональность, опора на левое полушарие и математический аппарат. Еще Галилей полагал, что в каждой науке столько науки, сколько в ней математики. Однако Гегель заметил, что математика – «не философия, *не* исходит из *понятия*, и поэтому качественное, поскольку оно не почерпается с помощью лемм из опыта, находится вне ее сферы»[22].

По поводу неспособности механической (линейной) причинности дать адекватное объяснение явлений органической жизни С.Л. Рубинштейн писал: «…Одно и то же воздействие дает разный эффект по отношению к организму с разными свойствами и по отношению к одному и тому же организму в разных условиях. Эффект внешнего воздействия зависит от внутреннего состояния организма, на который это воздействие оказывается»[23]. А если еще учесть, что этот организм обладает сознанием и субъективным отношением к данной причине, тормозя и сопротивляясь или, напротив, осуществляя активное содействие, – следовательно, писал он: «внешние причины действуют через посредство внутренних условий»[24].

Для рационально-логического, или естественно-научного, стиля мышления характерны:

– *дискретность* (современная наука преувеличивает значение анализа, расчленения любого объекта на части для более легкого и последовательного изучения);

– *статичность* (рационально-логический метод плохо помогает понять процесс);

– *одномерность* (монизм, односторонность точки зрения, сведение к общему знаменателю);

– *стереотипность* (шаблон, алгоритм, аналоговость);

– *последовательность* (элементы целого рассматриваются по очереди);

– линейная *причинность* (всегда стремятся отыскивать одну главную причину, непосредственно предшествующую следствию, все прочие отбрасываются как несущественные);

– *механистичность* (механика как раздел физики является образцом, по которому пытаются выстраивать основы многих технических и естественно-научных теорий; редукционизм);

– *рациональность* (в основу процесса понимания полагается однозначный, рациональный разум);

– *логичность* (непротиворечивость).

Сегодня ученые обычно пытаются создавать новое по аналогии с уже имеющимся. Новизна определяется в сравнении с чем-либо ранее известным. При таком подходе инновации будут прирастать в арифметической прогрессии. Этого мало, необходимы принципиально иные подходы, чтобы обеспечить экспоненциальный рост инновационности.

Левополушарное, рационально-логическое, мышление является аналоговым, оно способно дать лишь комбинаторную и количественную новизну: 1) взяли кусочек одного, соединили с кусочком другого так, как никто не соединял, – получили новое; 2) взяли какой-либо способ, применяющийся в одной сфере, и перенесли его в другую сферу, где он раньше не использовался, – получили новый результат. Качественной новизны такой стиль мышления дать не в состоянии. Об этом писал А. Бергсон: «Именно потому, что интеллект всегда старается реконструировать действительность, и притом пользуясь данными элементами, он не схватывает того, что есть нового в каждый момент какой-либо истории. Он не допускает непредвиденного. Он отвергает творчество»[25] . Поэтому, если мы хотим встать на инновационный путь развития, нам необходимо преодолеть привычки и стереотипы рационализма и перешагнуть на новый этап.

Наиболее известной попыткой реализации такого переворота в стиле мышления было создание диалектического метода на основе антиномий Канта. Ошибкой Гегеля считают то, что он отождествил логику мышления и объективное развитие реального мира, который на самом деле «не хочет» укладываться в логическую схему. Сегодня философия ждет нового Гегеля, который смог бы переработать его диалектику для нужд современной науки. Такую работу пытался выполнить Т. Адорно в «Негативной диалектике». Альтернативным вариантом физики объявили принцип дополнительности, позволяющий описывать в разных системах координат несовместимые свойства элементарных частиц (волновые и корпускулярные). В последние десятилетия немецким естествоиспытателем Г. Хакеном был предложен синергетический метод, который, как показалось многим, позволял преодолеть трудности. Однако мода на синергетику постепенно проходит, начинаются критические наступления и трезвое понимание, что придумано новое название для известного явления, которое раньше называли иррациональностью. Но поскольку на иррациональность было наложено идеологическое «табу», отсюда и возникли попытки обойти запреты. Причины страха перед иррациональным автору уже приходилось перечислять: во-первых, это физиологические причины, а именно: по нервным каналам человеческого организма одновременно может проходить лишь один сигнал, два противоположных по значению сигнала проходить не могут, они будут мешать друг другу; во-вторых, нельзя недооценивать безусловные рефлексы и априорный опыт, полученный нами от наших предков, а также наш личный опыт практической деятельности, требующий выяснения «линейных» причин и следствий и приучающий к однозначности выбора в ситуациях опасности – или гибель, или – спасение, что связано также со зрительной доминантой в европейской культуре и потребностями практики, которая требовала от науки и философии однозначных ответов на поставленные вопросы; в-третьих, в европейских языках под влиянием античной традиции (выраженной на латинском языке, которой пользовались в качестве языка науки: ratio = «разум», «рациональность») сложилось отождествление понятий «разум» и «рациональность»; в-четвертых, естественно-научное познание сформировало критерии научности и среди них важнейший – рациональная однозначность как условие истинности и эффективности; в-пятых, существует стереотип отождествления понятий

«рациональность» и «целесообразность» (объективность; истинность, разумность; проверяемая достоверность), и если согласиться с таким отождествлением, то оказывается, что искусство и религия не могут дать ничего целесообразного, в их деятельности отсутствует целенаправленность, вся сфера искусства, художественного творчества оказывается «неразумной» или «внеразумной», и такой интеллектуальный метод, как интуиция, оказывается также лишенным права достигать каких-то целей (на самом деле иррациональное также может быть вполне целесообразным, истинным, разумным и объективным, хотя проверяемость на практике при этом не всегда достижима); в-шестых, в сознании европейской интеллигенции существует сложившийся стереотип негативного отношения к иррациональности, поскольку фашистские идеологи активно использовали эти методы, чем дискредитировали их[26].

Кризис западного сознания и разума констатируют многие мыслители по обе стороны Атлантического океана, например, канадский ученый и писатель Сол Д.Р.[27], или немецкие философы М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно и Э. Фромм проанализировали кризис идеалов Просвещения, и особенно идеи Разума[28].

Чтобы преодолеть кризис, одни пытаются создать новые формы рациональности (Г. Башляр, А. Воин), другие предлагают взять на вооружение синхронность или параллельность точек зрения при осмыслении проблемы (Э. де Боно). Современные менеджеры Надлер Дж., Хибино Ш., Фаррелл Дж.[29] предприняли попытку создания «мышления прорыва», которое поможет увеличить креативность решения трудных ситуаций.

Размышляя о влиянии стиля мышления на методологию естествознания, И.Б. Новик обращал внимание на необходимость преодоления склонности рассматривать объекты дискретно, предполагая выработку способности непрерывного исследования объектов. Кроме того, он предлагал отказаться от односторонности вероятностного подхода, инвариантности и законов сохранения, а переключиться на осмысление явлений с точки зрения генетического принципа, который позволяет раскрывать эволюцию изучаемых объектов[30].

Методологический кризис имеет общенаучный характер, но особенно остро он проявляется в социальных и гуманитарных науках. Эти последние два класса наук все еще не всегда различают, что приводит к трудностям и неэффективному развитию. Наши предложения по этому поводу были опубликованы год назад[31].

И все же постепенно начинают вырисовываться черты нового, креативного стиля мышления:

– *континуальность* (осмысление феноменов мира в их целостности, без расчленения и различения);

– *динамичность* (изучение процесса без его остановки, в динамике, движении, развитии);

– *многомерный плюрализм* (отказаться от односторонности, одномерности, рассматривать феномены с разных сторон комплексно и системно);

– *нестандартность* (отказаться стандартных шаблонов аналогового мышления, поощрять, стимулировать не послушных и исполнительных, а оригинальных и непослушных);

– *синхронность* (рассматривать события одновременно, а не последовательно, по очереди);

– *многомерная обусловленность* (преодолеть господство линейной причинности в осмыслении процессов, а стремиться обнаружить все многообразие причин и условий, которые спровоцировали событие);

– *органичность* (не навязывать искусственных, выдуманных схем, в которые затем пытаться втиснуть изучаемое явление, а обнаруживать естественные законы природы, которые мудрее «красивых» схем У. Оккама и Конфуция);

– *иррациональность* (отказаться от диктата однозначности и логической рациональности, преодолеть пагубную самонадеянность естествознания, диктующего свои правила всей науке, научиться видеть плодотворность иррациональной, интуитивной методологии).

Таким образом, основные стили (парадигмы) мышления (осмысления мира), сформировавшиеся в истории философии и науки, суть следующие:

1. Мифологический (образно-символический).

2. Теологический (традиционно-догматический).

3. Естественнонаучный (рационально-логический, монистический).

4. Креативный (многомерно-плюралистический).

Возможно ли научить человека мыслить неординарно? Главное заключается в том, чтобы преодолеть привычные, сложившиеся еще со школьной скамьи правила и стандартные приемы мыслительных операций. В отличие от европейских стран, где аристотелевская логика вошла в плоть и кровь культуры мышления, в России «школьная» традиция логического мышления по ряду причин не сложилась, что создает свои трудности и преимущества. А еще следует обратить пристальное внимание на философские традиции Востока (Индии и Китая), где есть чему поучиться.

Характер стиля мышления в немалой степени предопределяет, на что обратит внимание исследователь, а чего он не заметит. Стиль мышления формирует точку зрения и доминирующие подходы в его исследовательской программе. Он или задает с самого начала ложное направление и малоперспективные методы, или нацеливает на креативные новые программы. Вот почему так важны осознание, переосмысление и развитие стиля мышления ученого.

---

[1] Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. 536 с. С. 227–228.

[2] Порус В.Н. Стиль научного мышления в когнитивно-методологическом, социологическом и психологическом аспектах // Познание в социальном контексте. М.: РАН, 1994. С. 63–79.

[3] Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 399 с.

[4] Сачков Ю. В. Эволюция стиля мышления в естествознании // Вопросы философии. 1968. № 4. С. 70–81.

[5] Пружинин Б.И. «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 64–74.

[6] Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с. С. 16.

[7] Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996. 351 с. С. 24.

[8] Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 488 с.

[9] Флек Л. Наука и среда // Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию научного стиля и мыслительного коллектива. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 167–174.

[10] Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. 544 с.

[11] Потемкин А. Кабала: Роман. М.: ПоРог, 2009. 368 с. С. 24–25.

[12] Пивоев В. М. Философия надежды, или Мифология. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 108 с.

[13] Боно Э. Параллельное мышление: От сократовского мышления к дебоновскому. Мн.: ООО «Попурри», 2007. 320 с.

[14] Рабинович В. Л. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. М.: Книга, 1991. 496 с. С. 462.

[15] Горгий. О несуществующем, или О природе // Антология мировой философии: В 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 1. С. 318–319.

[16] Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. 711 с. С. 272.

[17] Филатов В. П. Об идее альтернативной науки // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. С. 150–174.

[18] Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Наука, 1968. 327 с.

[19] Кожаров А. Монизм и плюрализм в идеологии и политике. М.: Прогресс, 1976. 280 с. С. 275.

[20] Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни. Киев: Символ, 1996. 416 с. С. 93.

[21] Столович Л. Н. Плюрализм в философии и философия плюрализма. Таллинн: Ingri, 2005. 336 с.

[22] Гегель Г В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с. С. 358.

[23] Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 146 с. С. 5.

[24] Там же. С. 6.

[25] Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с. С. 181.

[26] Пивоев В. М. Новая парадигма осмысления мира // Ученые записки ПетрГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. 2011. № 1 (114). С. 69–76.

[27] Сол Д. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М.: АСТ; Астрель, 2007. 895 с.

[28] Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. 336 с.; Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 311 с.

[29] Надлер Дж., Хибино Ш. Мышление прорыва: семь принципов творческого решения проблем. Мн.: ООО «Попурри», 1999. 496 с.; Надлер Дж., Хибино Ш., Фаррелл Дж. Мышление полного спектра. Мн.: ООО «Попурри», 2001. 464 с.

[30] Новик И. Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М.: Политиздат, 1975. 144 с. С. 138–139.

[31] Пивоев В.М. Новая парадигма осмысления мира // Ученые записки ПетрГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. 2011. № 1 (114). С. 69–76.